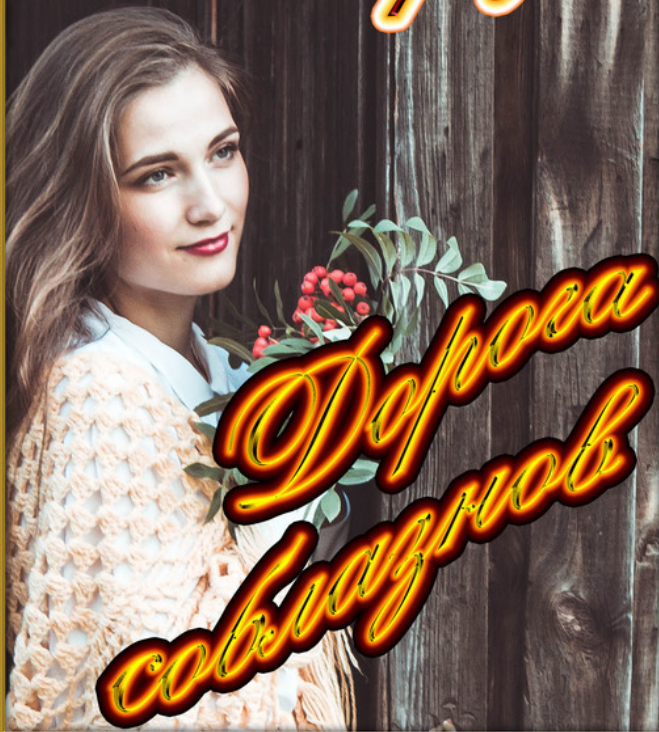

Татьяна
Теруик

Дарова
Светлов

Татьяна Герцик
Дорога соблазнов
Серия «Дорога», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9531069

Татьяна соблазнов: авторское; 2015

ISBN 9781311762238

Аннотация

Борис устроил "дорогу соблазнов" для Аси, желая доказать: она такая же любительница красивой жизни, как и он. Но куда завела его "дорога соблазнов"?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	34
Глава третья	57
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Татьяна Герцик

Дорога соблазнов

Copyright 2015 Татьяна Герцик

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования. Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора.

Глава первая

Утро выдалось чудесным. Пели прилетевшие с юга птички, воробьи дерзко чирикали, устраивая разборки из-за воробьих, с ярко-голубого неба светило свежее, не по-зимнему радостное солнце. Но Пал Палыч, деловито шагавший на работу, этого благолепия не замечал. Его волновал все тот же сакраментальный вопрос: где взять специалистов? Благодаря губернатору, взявшему курс на уничтожение местного здравоохранения, и мизерную зарплату, на вверенной ему городской станции скорой помощи работать было некому. Штатных врачей и медсестер почти не осталось. Выручали варяги, те, кто за такие же гроши работали в больницах и поликлиниках, подрабатывая везде, где можно. Естественно, все они имели специализацию для работы на «скорой», что весьма ценилось в медицинских кругах.

Подойдя к зданию станции, окинул ее оценивающим взглядом. Картина была удручающая, но привычная. В области все медучреждения были точно в таком же забросе. Обшарпанные, старые, неприглядные. Зато губернатор усердно насаждал культуру, с его точки зрения, прогрессивную. Музей современного искусства, оттянувший на себя практически все деньги других объектов культуры, да ежегодные помпезные общественные мероприятия не оставляли медикам шансов на лучшую жизнь. Чтобы скрыть прорехи в бюджете

те, проводились так называемые «оптимизации» и «укрупнения», в результате которых в области была закрыта половина учреждений здравоохранения, образования и культуры.

Пал Палыч, привычно чертыхнувшись, взбежал на свой второй этаж, и тут же удостоился сурового взгляда своей секретарши. Как опаздывающий школьник, украдкой посмотрел на висевшие в приемной электронные часы. 8-45. До начала рабочего дня еще пятнадцать минут. Но Варвара Алексеевна, его строгая секретарша, считала, что шеф обязан дневать и ночевать на работе, на то он и шеф.

Пал Палычу стало стыдно. Ему еще ни разу за свое вот уже десятилетнее начальствование не удавалось прийти раньше или уйти позже рьяной работницы. Он знал, что у нее есть муж, живущие отдельно выросшие дети, несколько внуков, и не понимал, почему она не стремится домой.

У него самого молодая жена с маленьким ребенком. Понятно, нужно море заботы и немало денег. Первая семья с двумя сыновьями-подростками тоже требовала пригляда, поэтому он жил в постоянной спешке. А как же? Нужно было везде успеть. К тому же его снедало постоянное чувство вины. Он не слишком красиво поступил с первой женой и теперь каждый раз, когда видел ее нарочито безразличное лицо, стыдился, как мальчишка. Но что делать? Любовь, она не выбирает. Просто он увидел Киру, и все остальное было тут же забыто.

Повесив куртку в шкаф, прошел в свой кабинет. Заметив, что Варвара Алексеевна снова сложила бумаги ровной стопкой на краю стола, поморщился. Что за наказание! Доколе она будет тыкать его носом в так называемую неряшливость? Никакой неряшливости нет, просто он раскладывает бумаги так, как ему удобнее.

Пал Палыч, беззвучно поругиваясь, принялся разбирать аккуратную стопку на несколько неаккуратных кучек, деля их по ранжиру – что сделать в первую очередь, а что оставить на потом. Посредине этого увлекательнейшего занятия зазвонил городской телефон.

Он автоматически сказал в трубку «алло», одновременно пытаясь вникнуть в смысл приказа, поступившего из горздрава. Голос в трубке что-то проговорил, но Пал Палыч не разобрал, что именно. Осознав, что до Юлия Цезаря ему далеко, вздохнул и положил приказ на стол. Прислушался к голосу.

Говорил Аркадий, его однокашник, а ныне главврач одной из городских больниц.

– Вот я и подумал, что тебе она вполне подойдет.

Пал Палыч решил уточнить, о чем речь.

– Кто подойдет?

Аркадий возмутился.

– Я тут перед тобой рассусоливаю вот уже полчаса, а ты даже слушать не удосужился! И кто ты после этого?

Пал Палыч примирительно проговорил:

– Да я тут приказом последним увлекся, никак врубиться не мог, что к чему.

Аркадию это проблема была знакома не понаслышке.

– Сто двадцатый, что ли? Это очередная блажь нашего милого начальничка. Каждый понимает его по мере своей испорченности. Но я тебе толкую о Василисе Ивановой, медсестре. Специалист она прекрасный, человек хороший, не возьмешь?

Пап Палыч насторожился.

– Если она так хороша, то какого лешего отдаешь?

– Я тебе уже сказал, что она поссорилась с племянничком нашего губернатора.

– Как она так умудрилась?

– Да она девочка с идеалами. Причем она их не декларирует, она за них борется. У нас лечится сестра губернатора, довольно приличная, кстати, дама. Но ее сыночек-бизнесмен, племянник губернатора, очень любит тыкать персонал носом в разные выдуманные недочеты. Вот он и принялся права качать не по делу. А Ася девушка прямая, она ему и высказала все, что думает о нем, его мамаше, губернаторе и всем нашем правительстве. Народу при этом разговоре было не счесть. Скандал замять не удалось, губернатор настаивает на увольнении за хамство. А я хочу ее тихонько перевести в другое местечко и сказать, что уволилась по собственному желанию.

– Так она и у нас какой-нибудь скандальчик устроит. У

нас ведь порядки такие же, что и везде. От правдолюбцев неприятности одни.

– У тебя поводов меньше. Все в дороге, все в пути. К тому же у тебя что, специалистов хватает?

Пал Палыч призадумался. С одной стороны, ему вовсе не хотелось неприятностей, а с другой, работать и в самом деле было некому. Вот и сегодняшней ночью большая часть бригад была укомплектована врачами или фельдшерами, ездившими на вызов поодиночке, работая, по сути, на износ.

Нехотя согласился:

– Ладно, присылай эту свою Василису Иванову. Посмотрю на нее.

– Ты не смотри, а бери! Специалист замечательный!

Пал Палыч спохватился:

– А специализация у нее какая?

– Хирургическая сестра, с персональной доплатой, между прочим. Как ты понимаешь, такую надбавку просто так не дают. Она у вас, кстати, порядок наведет, она везде успевает. Энергии в ней немеряно. Ну, бывай!

Пал Палыч поразился. Это ж надо! Хирургические сестры были элитой в их медицинском мире, и каждая ценилась на вес золота. Если уж Аркадий хирургическую сестру отдает, то как же этой Василисе надо было поссориться с племянничком, чтобы перейти на должность гораздо менее престижную и раза в два менее оплачиваемую! И как аукнется ему неосмотрительное решение приютить у себя опальную

медсестру?

Похмыкав, решил не паниковать раньше времени. Подняв взгляд, еще раз полюбовался на выданный горздравом календарь с местными достопримечательностями. Особенно ему нравился год – 2009. Девятка всегда была его любимой цифрой. Может, в этом году ему повезет? Миллион выиграет или хотя бы ремонт на станции сделает.

Разобравшись с бумагами, спустился в комнату отдыха. Окинул взглядом старую, отслужившую свой век мебель, привезенную из домов сотрудников. Теоретически в смете станции была графа «мебель для отдыха сотрудников», но денег по ней никогда не давали. Правда, чайник с микроволновкой за государственный счет купили, мелочь, а приятно.

За поцарапанным столом сидел Виталий Петров, сумрачно разглядывавший чайники в чашке чая. На нем была стандартная служебная форма, зеленые брюки и тужурка с надписью «скорая помощь», сидевшая на нем с небрежным изяществом, как на ином не сидит и дорогой смокинг.

Пожав ему руку, Пал Палыч робко спросил:

– Как дела?

Виталий пожал плечами.

– Ты же знаешь, что я опять езжу один. Тяжеловато, однако.

Пал Палыч сочувственно вздохнул. Виталий приходил на дежурство, отработав смену в отделении областной больницы. Он был талантливым хирургом, и, по идее, подрабаты-

вать ему было не с руки, но он жил с родителями в стандартной двушке и пытался накопить на собственную квартиру.

Пообещал с оптимизмом, надеясь, что так оно и будет:

– Не волнуйся, тут наклеывается один вариант. Опытный специалист, хирургическая медсестра.

Виталий аж привстал.

– Хирургическая медсестра? Случайно не Ася Иванова?

Пал Палыч поразился.

– Ты что, с ней знаком?

– Не знаком, но слухами земля полнится. Она же в своем роде героиня. Жанна Д'Арк местного масштаба. Умудрилась поспорить одновременно со всем областным начальством. – И с сомнением спросил: – Неужели вы ее возьмете, это же чревато неприятностями?

Пал Палыч поморщился. Сомнение в собственной отваге он всегда воспринимал несколько болезненно.

– А в чем, собственно, проблема? Я ведь не могу знать все местные сплетни. Ну, предложили мне хорошего специалиста, я его и взял. А на фоне хронической нехватки кадров меня и упрекнуть не в чем.

Виталий усмехнулся и хотел что-то возразить, но тут в комнату вошла Ольга Павловна, врач скорой, и Виталий мгновенно забыл все, что хотел сказать. Он туманным взглядом уставился на милое уставшее лицо девушки, и Пал Палыч понятливо хмыкнул. Кивнув одновременно и в знак приветствия и в знак прощания, пошел к себе.

Он давно подозревал, что специалист такого уровня, как Виталий, мог бы найти себе подработку и денежнее, и престижнее. Но у того был свой, личный, интерес. Ну что ж, Бог в помощь. Пара они красивая, может, и сговорятся.

После обеда по внутренней связи позвонила Варвара Алексеевна и странно-размягченным тоном сообщила:

– К вам на прием Василиса Андреевна Иванова. Примете?

Пал Палыч почувствовал, как у него беспокойно трепыхнулось сердце. Но ответил безмятежно:

– Просите, Варвара Алексеевна!

Раздался быстрый цокот каблучков, дверь распахнулась и перед ним возникла среднего роста крепкая девушка из тех, о ком говорят «кровь с молоком». Белая кожа, россыпь веснушек, чуть вздернутый нос, рыжеватые волосы и веселые голубые глаза. Светлый плащ был распахнут, открывая голубое скромное платье.

– Здравствуйте!

Пал Палыч вздрогнул от громкого решительного голоса.

– Аркадий Васильевич сказал мне, что он обо всем с вами договорился.

Главврач приосанился.

– Да, мы с ним переговорили. Но вы понимаете, Василиса Андреевна, что это всего лишь предварительная договоренность.

Девушка озадаченно передернула плечами.

– И что это значит?

Ее прямота несколько обескуражила поднаторевшего в подковерных играх Пал Палыча.

– Эээ... просто у вас будет испытательный срок. В соответствии с законом три месяца.

Ася широко улыбнулась.

– Ну, это ерунда! Это не страшно!

Пал Палыч поспешил уточнить:

– Но спорить с больными и их родственниками у нас категорически запрещается!

Ася внезапно рассмеялась, откинув голову и блестя ровными белыми зубами.

– Как хорошо расходится информация, я и не подозревала!

Пал Палычу не понравилось скрытое обвинение в собирании сплетен.

– Конечно, Аркадий Васильевич сказал мне, в чем суть проблемы. Очень корректно, кстати.

Ася согласно покивала головой.

– Аркадий Васильевич очень корректный человек, это точно. Только твердости в нем маловато будет. Иногда нужно и кулаком по столу стукнуть, а он провинившихся только журит, как малых детей.

Пал Палыч закашлялся. Аркадий и в самом деле был человеком мягким и конфликтов всяческого рода избегал. Он даже энергичного зама взял к себе с единственной целью устрасить наиболее бесцеремонных членов своего коллек-

тива, что ему самому никогда не удавалось.

– Ну, врач и должен быть снисходительным...

Ася нравоучительно поправила:

– Мягким должен быть врач, а не руководитель. Руководитель должен быть твердым. И даже не твердым, а последовательным.

Пал Палыч решил этому определению соответствовать на все сто.

– Правильно. Поэтому для начала я познакомлю вас с нашим врачом, с которым вы будете работать. Вернее, не совсем нашим, но это неважно. Зовут его Виталий Владимирович. Очень хороший врач, хирург, между прочим. Он сейчас как раз остался один, без медсестры.

Взмахом руки указал Василисе на дверь, только сейчас сообразив, что даже не предложил ей присесть. Успокоив себя тем, что она в подобных эквивоках явно не нуждается, пошел следом. В коридоре обогнал ее и в комнату персонала зашел первым.

Быстрым взглядом окинув помещение, понял, что пришел не вовремя. Виталий пил кофе с Ольгой, глядя на нее откровенно влюбленными глазами. Пал Палыч покашлял, давая ему время спрятать телячий взгляд.

– Добрый день! Познакомьтесь с нашей новой медсестрой, Василисой Андреевной Ивановой.

Василиса добавила:

– Можно просто Ася. Меня так все зовут.

Оля с приветливой улыбкой кивнула головой, а Виталий встал и протянул Асе руку. Та автоматически подала свою, и он крепко ее пожал, слегка встряхнув.

– Чрезвычайно польщен! Работать с таким отважным человеком большая честь!

Ася испытующе посмотрела ему в лицо и вдруг залилась розовым поросычьим румянцем.

– Вы это о чем? – казалось, ей трудно сосредоточиться.

– О вас. Вернее, о том, как вы дали отпор зарвавшемуся племяннику нашего замечательного губернатора.

Ася отняла руку и сжала ее в кулак.

– Издеваетесь?

Виталий удивился.

– И не думал. С чего вы взяли?

Ася расслабилась, уронив руки вдоль тела.

– Да так. Мне столько всякой ерунды наговорили, я теперь без повода на людей кидаюсь. Извините.

Виталий великодушно предложил:

– Поскольку мы здесь все равны, то, может, на «ты» перейдем?

Ася растеряно улыбнулась.

– Можно.

Решив, что процесс знакомства благополучно состоялся, Пал Палыч кивнул и быстро скрылся в коридоре.

Оля отодвинула старенькое кресло поближе к стене, освобождая место. Виталий галантно подвинул к столу еще один

стул.

– Садись рядом, Ася. Выпей кофе, пока нас никуда не угнали. И, если можно, расскажи нам, как ты поставила на место этого самого племянничка?

Ася села на расшатанный стул между Виталием и Олей. Покачавшись на нем, кивнула самой себе, будто что-то решив. Отхлебнула кофе из протянутой ей Олей кружки и неохотно ответила:

– Ничего интересного в этом нет. Можно было из этой ситуации выйти корректно.

Сразу поняв, что это не ее слова, Оля уточнила:

– Кто так сказал?

– Да Аркадий Васильевич, наш главный. Конечно, я чересчур вспылила, в этом он прав, но я этих тупых нуворишей терпеть не могу.

– А конкретно как дело было? – Виталий спрашивал так упорно, будто выводил симптомы редкого заболевания.

– Конкретно было так. Прихожу я в ночную смену, как обычно, к восьми часам. Посещение родственников уже закончено. Но не для всех. В платной палате лежит сестра нашего губернатора, нас особо предупредили, что мы должны ей оказывать повышенное внимание. Ну, да ладно, это ерунда, я всем нашим пациентам оказываю повышенное внимание.

Виталий заинтересовался.

– Ты же хирургическая сестра, какое повышенное внима-

ние?

Ася осуждающе посмотрела на него.

– Ты что, с луны свалился? Среднего медперсонала не хватает так же, как и врачей. Вот мы и пашем на двух ставках. В то дежурство я была в качестве обычной постовой медсестры. Мне кажется, это во всех больницах так.

Виталий извиняющее развел руками.

– В самом деле, я не подумал, у нас так же. Извини. Ну, и что было дальше?

– А дальше меня вызвала эта самая сестренка, мадам Сгущенка.

Ольга не смогла сдержать любопытства.

– Как сгущенка?

– А фамилия у нее Сладкова, и сама она вся такая фальшивая, приторно-сладкая. Потому и Сгущенка.

Виталий уточнил:

– Это ты ее так окрестила?

Ася согласилась, задорно сверкая глазами:

– Не буду отпираться, я. Ну, так вот, звучит зуммер из ее палаты, и в это же время авария, привозят экстренных больных на операцию. Свободных операционных сестер нет, пришлось ассистировать хирургу. В общем, к этой Сгущенке я прибежала только через полчаса. А там ее сыночек сидит с какой-то раскрашенной девицей. Важный такой, наглый, сытый. Ужасно противный, одним словом. И, не слушая меня, давай мне выговаривать, мол, я позорю звание медсестры, я

такая-сякая, на больных мне наплевать, и все в таком духе. Я думаю, он перед этой девицей из себя большого начальника корчил.

Оля сочувственно заметила:

– Это ужасно противно, я и сама в таких случаях начинаю хамить.

Виталий скептически оглядел девушек.

– На скорой такое хамло встречается каждую смену. Алкаши, которые с перепою болеют, вообще в выражениях не стесняются. Мы их хамство на телефон записываем. Хоть судом пригрозить можно и в милицию заявление подать. Но я тебя перебил. Что там дальше-то было?

– А дальше я ему ответила о зажавшихся нуворишах и родственничках разного рода непорядочных типов. Ну и пошло-поехало. Тут еще на шум в палату несколько больных заглянуло, давай мои слова комментировать, в общем, настоящее шоу получилось. Этот обиженный малыш на следующий день с утра пораньше появился и заявление на меня написал. Причем еще и дядюшке пожаловался, тот лично бедному Аркадию Васильевичу звонил. Я ему сочувствую. Он меж двух огней оказался. И меня ему выставлять не хотелось, не такой уж я плохой специалист, и с начальством ссориться не резон. В общем, я тут у вас как бы на исправительных работах. Он мне сказал, что когда все утихнет, он меня обратно возьмет.

– А что с этой мадам Сгущенкой?

– Да ничего. Она ничем таким и не болела. Просто лежала на обследовании. Насколько я знаю, ничего серьезного у нее не нашли.

– Понятно. Значит, дама с претензиями.

Ася покачала головой.

– Да она баба-то ничего. Это ее сыночек копытом землю роет. Может, и в самом деле так мамочку любит, а, может, просто свои возможности демонстрирует. Не знаю. Но что он противный, это точно.

По громкой связи раздался голос Нины:

– Ребята, давайте на вызов. Кто поедет?

Оля растерянно оглянулась, будто надеялась увидеть за своей спиной медсестру.

– У меня опять Валентина с Виктором Егоровичем в гипермаркет умотали. Сказали быстро, а сами уже полчаса ездят.

Виталий встал.

– Ладно, поедем мы. Вот и повод Асе показать себя в деле. Бокс с медикаментами в машине. Готова?

Ася уверенно поднялась.

– Я, как юный пионер, всегда готова.

Они дружно пошли к выходу, шагая в ногу. Оля проводила их взглядом и тихонько вздохнула про себя. Виталий, конечно, очень хороший человек, но вот никаких близких отношений с ним она не хочет. Ну, не лежит у нее к нему душа, что тут поделаешь?

Стукнула входная дверь, и в комнату стремительно заскочила плотная женщина средних лет. В руках у нее было пять пакетов с продуктами. Валентина выглядела несколько неуклюже в зеленой униформе медперсонала, состоящей из куртки с надписью «скорая помощь» и мешковатых брюк, но не обращала внимания на такую ерунду.

– Виталий уехал на вызов вместо нас?

Оля кивнула головой.

– Вот черт! Чуть-чуть не успели! В универсаме очередь на кассе, просто жуть! И это днем! После работы там вообще делать нечего. Ну да ничего, главное, чтобы Пал Палыч не просек.

Валентина принялась торопливо выгружать покупки в холодильник. Потом схватила кружку, налила кипятку, бросила пакетик чая и принялась торопливо пить, смешно причмокивая. Оля, давно привыкшая к ее простоватым манерам, молча смотрела в окно.

Расправившись с чаем, Валентина осведомилась:

– А кто это сидел с Виталием в машине? Кто-то новенький?

– Это Ася Иванова, она будет работать в бригаде с Виталием.

Валентина насторожилась.

– Постоянно? Ох, смотри, окрутит она его, а ты останешься с носом!

Оля с упреком посмотрела на медсестру, вечно сующую

нос не в свои дела.

– И замечательно! Ему давно жениться пора!

Валентина не понимала такого безалаберного отношения к жизни.

– Оля, у тебя же домик скоро развалиться! Ремонт нужно делать! А он на квартиру копит, вот вы и скооперируетесь. У тебя жилье, у него деньги. Знаешь, какой можно славный домик сбавать!

К облегчению Оли, страшно не любящую подобные прагматично-матримониальные прогнозы, Нина строгим голосом объявила:

– Бригада Васильевой, на выезд!

Валентина сразу засуетилась.

– Вот черт! Пал Палыч где-то рядом! Где мой выездной ящик?

Оля посмотрела вокруг. Ящика нигде не было видно.

– Скорее всего в машине. Пошли!

Она встала и вслед за суетливо шагающей медсестрой отправилась к подъехавшей к крыльцу машине скорой помощи. На крыльце и впрямь стоял главврач и изучающе смотрел на подъезжающие и отъезжающие машины скорой.

Валентина подобострастно поздоровалась и первой запрыгнула в машину, являя собой образец деловитости и оперативности. Оля с непроницаемым выражением лица села на свое место возле водителя, и машина помчалась по вызову.

Остановились возле потрепанной многоэтажки. С тру-

дом разобрал полустершиеся цифры на подъезде, Валентина неуверенно сказала:

– Вроде наш... Неужели никто не встречает? Может, опять ложный вызов?

Оля поехала. У них сегодня уже был один такой, от веселой компании, которой не хватало облагораживающего женского общества. Хорошо, что милиция оперативно отреагировала на призывы о помощи и ДПС приехала сразу, как медсестра по радиации сообщила о происшедшем. Бригада скорой уехала, а милиционеры остались составлять протокол. Штраф субчики, захотевшие дополнительного кайфа, конечно, заплатят, но медикам-то от этого ни тепло, ни холодно. И вот опять.

Тут металлическая дверь подъезда распахнулась, и растерянный подросток затоптался на пороге.

– Скорая? Здравствуйте! Это мы вас вызвали. Деду плохо. Но, – он замялся, явно ожидая, что после его слов врачи развернутся и уедут обратно, – у нас лифт застрял между этажами, идти придется пешком. На шестнадцатый этаж.

Валентина сделала круглые глаза и вопрошающе посмотрела на Олю. Такой подъем ей был не по силам.

Оля обречено пожала плечами:

– Оставайтесь здесь, я уж лучше вылечу одного больного, чем после восхождения буду откачивать еще и вас.

Мальчишка, забирая у медсестры ящик с красным крестом, испуганно поторопил:

– Поскорее, пожалуйста, а то дед там задыхается.

Оля тоже начала задыхаться, добравшись до нужного этажа, несмотря на хорошую физическую форму. Легконогий мальчишка бежал, прыгая через две ступеньки, она едва поспевала за ним. Зато и скорость подъема была просто фантастической. Ей даже показалось, что они вбежали на шестнадцатый этаж несколько не медленнее лифта.

Прежде чем достать стетоскоп, она пару минут отпыхивалась, как пожилой бегемот, дожидаясь, пока в ушах глухими ударами не перестанет биться пульс. Прослушав больного, сделала инъекцию и посидела десять минут, наблюдая за его состоянием. Приступ, к счастью, оказался не слишком сильным. Она даже подозревала, что дед больше притворялся, решив напугать строптивного внука. Но говорить и без того виновато глядящему на нее старику ничего не стала. Попрошлась, уверенно сказав испуганным домочадцам, что все будет хорошо, и неторопливо спустилась обратно.

Парень, провожавший ее обратно, тихо признался:

– Это я виноват в дедовой болезни. Пришел сегодня под утро, а он меня стал ругать. Я огрызнулся, а он посерел и за сердце схватился. У меня, кроме деда с бабкой, никого нет. Я как-то не подумал, что у него с сердцем нелады. Увлёкся...

Ольга, вздохнув, сказала:

– В молодости часто кажется, что все кругом вечны и ничего страшного случится не может. Но это только иллюзия. Я часто вижу смерть из-за того, что люди считают бессмерт-

ными и себя и других, и не берегут друг друга.

Мальчишка, побледнев, горячо пообещал:

– Я больше так не буду. Я потом себе не прощу, если что случится.

Оля снова заверила его, что на сей раз все обошлось, но впредь нужно быть поосторожнее, и вышла на улицу. Парень, сдав ее на руки бригаде, закрыл дверь подъезда и умчался домой.

Валентина, беспокояно поджидающая ее вместе с Виктором Егоровичем около подъезда, облегченно вздохнула, увидев выходящую из дверей девушку. Она искренне за нее тревожилась. Подъезд пустой, а если встретится хулиган? Правда, у них у всех на этот случай в кармане припасен газовый баллончик, но ведь бывают такие ситуации, когда и выхватить его не успеваешь.

На станцию они вернулись без приключений. Валентина ушла поболтать с Ниной, а Оля обессилено упала в мягкое просиженное кресло. Вытянув гудящие ноги в стоптанных кроссовках, посмотрела на старенький будильник, стоявший на газетном столике. Почти четыре, до конца смены еще далеко. Перевела взгляд на чуть подрагивающие от напряжения руки, лежащие на подлокотниках. Если не считать физической усталости, чувствовала она себя вполне сносно. А усталость – это ерунда. Вполне нормальное состояние после скоростного восхождения на шестнадцатый этаж.

Интересно, как там Виталий с Асей? Имя какое инте-

ресное – Василиса, да и девушка ему под стать. От Оли не укрылся интерес, с которым Ася смотрела на Виталия. Неплохо было бы, если б и он ответил ей взаимностью. А то в последнее время ей что-то неуютно от его слишком горячих взглядов.

В это время Виталий с все возрастающим изумлением наблюдал за непривычной для него картиной. Ася с неукротимым пылом вразумляла тройку алкашей, решивших культурно отдохнуть на детской площадке. Она толковала им о негативном примере, которые они своим некрасивым поведением подают несовершеннолетним, затем о вреде алкоголя, затем о самоуважении, которое требует достойных поступков.

В результате один из троицы, довольно молодой еще мужик, взмолился:

– Милая девушка! – чувствовалось, что ему хотелось выразиться покрепче, но он боялся вызвать еще более мощный шквал нравоучений. – Мы уже все поняли, и уходим. Клянемся больше никогда, никогда, не совершать недостойных поступков!

Они и в самом деле неохотно поднялись. На прощанье Ася заботливо посоветовала:

– Если вы не в силах справиться с искушением, – на это мужик выпучил глаза, а Виталий только хмыкнул, – то советую вам отправиться в сквер. Там уже собралось несколько

соответствующих компаний. Вам с ними скучно не будет.

– Спасибо за заботу, милая девушка! – мужик отвесил издевательский поклон.

Ася ответила ему неожиданно милой дружелюбной улыбкой. Мужик странно встрепенулся и вдруг предложил:

– А, может, и вы с нами? – Спыхватившись, поправился: – Ну, это, может, в кино ходим?

Ася серьезно отказалась:

– Не могу, я на работе.

Мужик хотел что-то добавить, но Виталий решил прервать затянувшееся нравоучение:

– Василиса, нам пора!

Кивнув на прощанье мужикам, Ася предупредила:

– Не вздумайте возвращаться, я проверю!

Они сели в машину, и водитель осторожно выехал со двора. Проезжая вдоль улицы, Виталий оглянулся. Пьянчужек на площадке не было, зато возились обрадованные отсутствием конкурентов малыши. На скамейках вокруг сидели мамы и бабушки, возбужденно обмениваясь мнениями.

Виталий включил громкую связь, поскольку Ася сидела в салоне.

– Ты всегда так активно борешься за справедливость? – он не смог скрыть своего недовольства.

Ася огорченно вздохнула.

– Ну да. Не могу пройти мимо. Мне уже не раз говорили, что я лезу не в свое дело и когда-нибудь за это заработаю по

заслугам. Но если промолчу, то потом ужасно себя чувствую. Так что я уж лучше получу по заслугам, чем тихо пройду мимо.

Виталий вздохнул. Он терпеть не мог скандалы любого рода. Конечно, если приходилось, мог дать сдачи, слабаком никогда не был, но первым никогда разборок не начинал. Оправдание у него было великолепным: ему нужно было беречь руки. Какой из него хирург после пары-тройки крепких ударов?

Отключив громкую связь, Виталий спросил у водителя:

– Видел, Саша?

Тот кивнул.

– Честно говоря, я уж думал, придется на выручку спешить. У этих алкашей рожи были – зашибись!

– Это они не от злости, а от удивления. Василиса оперировала понятиями типа «долг», «честь», «порядочность», «достоинство», от которых они просто офонарели. Им, видишь ли, никто и никогда не говорил, что пить водку в песочнице – непорядочно.

Саша покачал головой.

– Если бы мне кто так объяснил, я бы тоже офонарел. Она что, больная?

– Нет, конечно. Просто она не может пройти мимо непорядка, несправедливости и прочей белиберды. Ей нужно, чтоб все было правильно.

– Упаси Господь! И долго она с нами ездить будет?

Виталий пожал плечами.

– Да откуда ее обратно не позовут. Она же хирургическая сестра, и очень хорошая, насколько я мог понять из сегодняшней с ней работы. Капельницу она поставила виртуозно. Профессионал высшей квалификации. Ты знаешь, как она у нас очутилась?

– Наслышан. Но, судя по ее сегодняшнему выступлению, странно, что она там так долго продержалась.

– Мне тоже. Ежели она всех жить учила, и врачей и больных, непонятно, как ее раньше не вышибли.

Они подъехали к станции скорой помощи. Ася пошла отчитываться за использованные лекарства, а Виталий ушел в комнату отдыха. Там в кресле сидела Оля с закрытыми глазами, уложив ноги на банкетку.

У Виталия защемило сердце. Она была такой милой и такой уставшей, что ему захотелось обнять ее и прижать к себе. Все-таки такая работа не для хрупкой женщины. Почему-то перед глазами всплыло лицо Василисы, до жути бодрое и энергичное. Виталий поморщился. Вот уж кому все нипочем!

Оля приоткрыла один глаз и кивнула.

– Вернулись? И как тебе Ася?

– Как тебе сказать. Профессионал она настоящий, но вот ее стремление исправить этот несовершенный мир мне не по душе.

Оля выпрямилась в кресле.

– Как это?

Виталий налил полный бокал кипятка, щедро насыпал растворимого кофе, добавил сахару, и сел рядом с Олей на стул. Выпил кофе быстрыми мелкими глотками, удовлетворенно вздохнул и только тогда ответил:

– Примитивно. Она алкашей жить учила. Не позволила им распивать спиртные напитки в детской песочнице.

Оля поразилась.

– Что, на самом деле не позволила? И как это?

– Поговорила, и весьма результативно. Впрочем, если б на меня обрушился такой шквал увещеваний, поучений и требований, я бы тоже смотался от греха подальше.

– Не думала, что она зануда.

– Она не зануда. У нее это все даже с юмором получилось. Просто мне такой образ жизни не по душе. Она мне придалась, что мимо несправедливости или непорядка пройти молча не может.

– Сложно ей, наверное, жить. Сейчас такой бойцовский характер большая редкость. – Оля не скрывала своего сочувствия.

Виталий сердито поправил:

– Бойцовский характер? В народе это называется стервозностью.

– Ты не прав. Она же по-доброму это делает?

Виталию пришлось согласиться.

– Но ты же не стала бы приставать к незнакомым людям

с нравоучениями?

– Ты прав, не стала бы. Хотя порой и надо бы это делать.

В комнату вошла Ася и нерешительно остановилась на пороге.

Оля приветливо пригласила:

– Заходи, не стесняйся! Моя Валентина с Ниной за жизнь болтает. Может, чаю выпьешь или кофе?

Ася прошла в комнату и отрицательно покачала головой.

– Не хочу, спасибо.

Она внимательно посмотрела по сторонам. Оля обвела взглядом комнату вслед за ней и будто впервые увидела паутину по углам и грязь на кафельных стенах.

– Здесь уборщицы нет?

Врачи призадумались. Они не знали, есть здесь уборщица или нет.

– Не знаю. Во всяком случае, видеть, как кто-нибудь здесь убирал, мне не доводилось. – Оля не понимала, зачем это нужно Василисе.

Виталий встал, подлил себе еще кипятка. Взял кофе, хмуро прочитал вслух огромную надпись на банке, сделанную заботливыми коллегами ярким красным фломастером: «осторожно: кофеин! Соблюдайте разумную дозу!» Недовольно пробурчал себе под нос:

– И кто определял разумность дозы?

Ася тут же его вразумила:

– Разумная доза – это не более двух стомиллилитровых

чашек черного кофе в день!

Виталий с Олей переглянулись.

Ася спохватилась.

– Ой, что я говорю, вы же это знаете лучше меня! Это просто привычка, извините! Уж лучше я тут пол помою, а то не люблю жить в грязи. Пойду ведро с тряпкой поищу.

Она вышла.

– Какая деятельная особа! Из тех, кто и минуты посидеть спокойно не могут. Если честно, то она меня уже жутко утомила. – Виталий был сильно недоволен.

Оля его укорила:

– Зря ты так. С таким человеком жить хорошо. Ничего делать не нужно, он сам все моментально сделает и помощи не попросит.

– А как ты себя при этом чувствовать будешь? Нахлебником? Вот сейчас она пол мыть начнет, а ты что, смотреть на это будешь?

– Конечно. Хватит и того, что я на шестнадцатый этаж взобралась мелкой рысью, не говоря уже про спуск. До сих пор колени трясутся. Так что на трудовые подвиги я сейчас не способна.

Вернулась Ася с ведром, шваброй и тряпкой.

– Я, чтобы не мешать, в машине пережду. – И Виталий быстро сбежал.

Оля подвинулась и извинилась:

– Извини, что не помогаю, но у меня ноги жутко устали.

Ася весело махнула рукой с тряпкой:

– А я не люблю, когда мне помогают. Потом непонятно, то ли это я сделала, то ли кто другой.

– В смысле, что сделано плохо?

– Нет, просто чувства удовлетворения нет.

Оля озадачилась.

– Ты, похоже, из перфекционистов.

– Это кто?

– Те, кто любят все делать на отлично.

Ася удивилась.

– Конечно, а кто же этого не любит?

– Но ведь не всегда получается. Тогда они жутко огорчаются.

– Я не огорчаюсь. Я просто переделываю.

Во время этого разговора Ася протерла влажной салфеткой стены, смахнула шваброй паутину, вымыла пол и теперь с деловитым прищуром разглядывала грязноватое окно.

Оля восхитилась.

– Да ты просто метеор!

Ася согласилась без ложной скромности.

– Да, конечно. Меня в нашей хирургии называли огоньком. – Это прозвучало у нее с изрядной долей ностальгии.

Оля тут же поспешила ее утешить:

– Ну, ты тут у нас ненадолго, так что не переживай. К тому же Виталий очень хороший врач. И мужчина интересный.

Ася смутилась.

– Да, конечно. Просто мне все здесь непривычно.

– Непривычно только первый день, а потом привыкнешь.

По динамику раздался взволнованный голос диспетчера:

– Все свободные машины на проспект Мира! Там массовая авария!

Ася схватила ведро и тряпку и полетела в туалет. Вымыла руки и, вытирая их на ходу, запрыгнула в свою машину, медленно отъезжавшую от станции. Машина Васильевой выехала следом.

Глава вторая

На проспекте и впрямь было страшновато. Столкнулись враз пять машин. И, хотя скорость была небольшая, травмированных оказалось немало. Валентина с Асей перевязывали раны, Оля с Виталием осматривали пострадавших. Подъехало еще две кареты скорой из другого района, и подъехавшие бригады тоже включились в работу. Забрав троих пострадавших из первой машины, лоб в лоб столкнувшихся с иномаркой, Виталий повез их в свою больницу, решив лично проследить за лечением. Сдав их на руки дежурным врачам, выяснил, нужно ли еще возвращаться за ранеными и, узнав, что все уже развезены, поехал на станцию.

В комнате отдыха сдержанно похвалил Асю:

– Молодец! Работаешь ты профессионально.

Ася с укоризной на него посмотрела.

– Да, конечно! Но меня просто взбесил тот тип на иномарке, из-за которого и произошла вся эта катавасия. Явно он права купил, наглый такой. И еще орал «меня вперед»! Но ты здорово его отбрил. Я и не думала, что ты можешь таким зверским тоном говорить. «Сначала тяжело пострадавшие, потом все остальные. А вам, гражданин, судя по вашей напористости, вообще помощи можно не оказывать!» Здорово!

Виталий ухмыльнулся.

– Ты на него таким людоедским взглядом смотрела, я

грешным делом подумал, сейчас какой-нибудь садистский укольчик вкатишь. Чисто в воспитательных целях. По ошибке, конечно. Суета, крики, напряжение, всегда есть возможность ошибиться.

Ася раздраженно вздохнула.

– Мне в такие моменты всегда досадно, что я не ошибаюсь никогда. Но это все шуточки, я рада, что этого типа взяли в другую скорую. Мне на него и смотреть-то было противно. Интересно, его накажут, или он откупится, как обычно?

– Не знаю.

В комнату вошли Оля с Валентиной. На Валентине зеленые брюки были заляпаны бурыми пятнами запекшейся крови.

– Ну и денек! Хорошо хоть, что смена кончается. За Пал Пальчем опять эта Кира-кикимора пришла. Бойтся, что не туда уйдет?

Оля тихо заметила:

– А мне Ирину до чертиков жаль. Остаться с двумя мальчишками на руках, по сути одной. Да и человек она хороший, не то что эта насквозь фальшивая Кира.

Валентина широко развела руками.

– И что мужику надо было? Иринка и красавица, и умница, и хозяйка прекрасная. Как говорится, все при ней. Но ведь нет, потянуло старого дурака на молоденькую. Но он с Кирой еще наплачется, вот помяните мое слово.

Ася непонятливо спросила:

– Неужели Пал Палыч от жены ушел? А он мне показался порядочным человеком.

Валентина снова замахала руками, будто делала гимнастику.

– Мы тоже так считали, пока он в прошлом году Иринку не бросил. Она после этого аж высохла вся. Также такого от него не ожидала. И мальчики на него обиделись, даже разговаривать не хотят. Большие уже, все понимают.

Ася сочувственно проговорила:

– Да, хуже нет, когда ты веришь-веришь, а тебе потом в душу плюнут и заявят: извини, дорогая, я полюбил другую!

Валентина поддержала:

– Так оно и было. Хотя нам и не положено верить в привороты всякие, но, похоже, дело без этого не обошлось. А иначе как объяснить то, что нормальный мужик вдруг ни с того ни с сего бросает семью и уходит к по сути незнакомой девице? Ненормально это.

Виталий деликатно покашлял.

– Это как раз объяснить можно. Дома рутина, все приелось, кажется, что так будет всегда. А тут взрыв страстей, накал эмоций. Он будто в молодость вернулся. На столько эта девица его моложе? Лет на пятнадцать?

Валентина кивнула.

– Ну вот. А Ирина моложе всего-то на пять лет. И тоже врач. То есть никакой тайны в ней нет. К тому же Кира Пал Палычу тут же дочь родила.

Валентина расслышала в сказанном тайный смысл.

– Вот и я тоже сомневаюсь, а его ли это ребенок? Я б на его месте давно генетическую экспертизу сделала. Но он уж очень доверчивый. Как дите малое, честное слово.

Виталий в ответ пожал плечами. Он не хотел соваться в чужую жизнь.

Ася выглянула в окно. Перед машиной главврача стояла симпатичная молодая женщина с девочкой на руках. Возле них переминался с ноги на ногу Пал Палыч. Видно было, что он чувствует себя не слишком-то уютно.

– Что-то не похож он на счастливого мужа. Хотя жена у него и красивая. Мне, правда, такие не нравятся.

Виталий заинтересовался.

– А почему тебе такие не нравятся?

– Не знаю. Внешне вроде все в порядке, а душа отвергает.

Оля воскликнула:

– Как ты правильно заметила! У меня точно такое же ощущение!

Валентина поспешила присоединиться к общему мнению. Промолчал только Виталий, да и то больше из мужской солидарности, чем из несогласия. Ему эта история тоже не нравилась.

Пал Палыч с женой ушел, и Валентина дала волю своему неизбывному любопытству.

– Ася, а ты где живешь?

– У второго брата. У него здесь трехкомнатная квартира,

они с женой мне одну комнату выделили.

Виталий дотошно уточнил:

– Как это – у второго брата?

– У меня четверо старших братьев. Я последняя в семье. Заскрёбыш, одним словом. А братья считаются так – старший брат, а все остальные по старшинству. Второй, третий, четвертый.

– А не угнетало тебя такое количество братьев?

– Не знаю. Сравнить же не с чем. Вот сестренку порой хотелось. А братья не мешали. Скорее слишком уж помогали. Считалось, что я маленькая и слабенькая. А мне хотелось самостоятельности.

Виталий с интересом заметил:

– У меня сестра есть. Старшая. Теперь она отдельно живет, но в те времена в нашей двушке было тесновато. А вы где помещались?

– В двушке? Кошмар! Нет, мы в тесноте никогда не жили. Когда я родилась, родители уже двухэтажный дом построили. Первый этаж кирпич, второй из бруса. У всех отдельные комнаты. В деревне, если мужики не пьют, жить можно.

– А ты что из деревни уехала?

– Интересно стало, что там на белом свете делается. Тут и Андрей женился на городской, переехал сюда. Вот меня к нему и отпустили. А все остальные так в деревне и остались. Я домой часто езжу, вместе с Андреем.

В комнату зашли бригады, и приехавшие на смену, и от-

дежурившие, и разговор стал общим. Говорили главным образом о зарплате, о том, что на нее жить невозможно, и что пора искать новую работу.

Оля попрощалась с коллегами и отправилась домой. Виталий вызвался ее провожать. Они пошли вдоль забора по полузаросшей сорняками тропке.

Ася вышла за ними на крыльцо и угнетенно посмотрела вслед. Ее окликнула Валентина, садившаяся в старую волжанку к приехавшему за ней мужу:

– Ася, тебе куда? Может, подвезти?

Ася тряхнула головой, отчего пышные волосы взвились огненным нимбом.

– Спасибо, но я недалеко живу. Пешком добегу. И так сегодня засиделась за день.

Машина отъехала, и муж добродушно подколотил жену:

– Теперь я знаю, отчего ты на работе устаешь. Ты просто засиживаешься.

Валентина не приняла шутки.

– Ей после хирургии у нас жизнь медом показалась. Но это она зря. Первый день работает, не поняла еще всей прелести нашей кочевой работенки. Как говорится, все впереди.

А Ася в это время неспешно шла домой. Погода была хорошей, шла она по красивой ухоженной аллее, но ее ничто не радовало. Она видела, какими глазами Виталий смотрел на Олю, и завистливо вздыхала.

Ей еще никто не нравился. Вернее, нравился, но не так.

В школе ей нравились крепкие спортивные парни, похожие на братьев. Но они не блистали ни умом, ни сообразительностью, и она быстро их забывала. Да и в колледже было тоже самое.

А вот когда она увидела сегодня Виталия, у нее в душе впервые что-то тихонько тенькнуло. Ей так захотелось, чтобы этот красивый вдумчивый мужчина обратил на нее внимание. Но не получилось. Несмотря на то, что они работали вместе, он смотрел на нее насквозь, будто она была из какого-то странного стекла.

А вот на Ольгу он смотрел влюбленными глазами. Конечно, Оля и красива, и мила, и по образованию Виталию подходит. А вот она, Василиса, ему не пара.

Задумавшись, не обращала внимания на то, что делается вокруг. Вдруг какое-то странное несоответствие зацепило ее взгляд. Она вгляделась повнимательнее. Впереди на скамейке сидели два парня и юная девушка, почти еще девочка. Парни пили пиво, девчонка тоже держала банку с пивом. Ничего особенного. Стандартная картинка. Но Асю насторожило испуганное выражение лица девушки.

Не раздумывая, подошла к троице.

– Можно тебя на пару слов? – она по-свойски обратилась к девушке.

Та рванулась, но была остановлена крепкой рукой сидящего рядом парня.

– Куда? Сиди! – И парень с глумливой ухмылкой ответил

Асе: – Видишь, ей с нами нравится! Так что иди, куда шла!
Или, может, присоединиться хочешь?

Ася с такой же нагловатой ухмылкой заявила:

– Никуда я не пойду! И я считаю, что вы силой держите тут девушку.

Парни загоготали. Они явно были под хмельком.

– А ты попробуй, отними! Или мусоров позови.

Ася независимо заявила:

– Звать я никого не буду, я с такими, как вы, и сама справлюсь. Так что или отпускайте девчонку, или получите в нос!

Парни заржали еще громче.

– Ишь ты, какая лихая! Кому это ты в нос решила дать? Мне или ему? – Они показали друг на друга.

Ася решительно наклонилась и дернула девчонку за руку. Та быстро соскочила и, пользуясь тем, что у подвыпивших парней реакция была замедленной, побежала по скверу. Разозленные парни тоже соскочили. Один хотел броситься за девчонкой, но Ася сильным толчком отправила его обратно.

Второй, размахивая кулаками, хотел стукнуть ее, но она, легко уйдя из-под удара, с такой силой ударила его в нос крепко сжатым кулаком, что он шлепнулся на скамейку, зажимая хлещущую из носу кровь.

– Ты что, с ума сошла? – он не мог понять, как на него, такого распрекрасного, кто-то осмелился поднять руку. К тому же не кто-то, а какая-то непонятная особа.

– Что, после кровопускания легче стало? – Ася деловито констатировала факт. И повернувшись к другому парню, практически предложила: – Тебе тоже помочь?

Парни вне себя от злости одновременно вскочили, желая наказать обидчицу, но тут в сквере показался наряд конной милиции. Парни вмиг оказались окружены разгоряченными конями и приняли плаксивый вид.

– Вот, сидим себе, никого не трогаем, и вдруг к нам пристает эта нахалка! Ни с того, ни с сего бьет меня по носу! Вот, видите, кровь! – парень трогательно размазывал по лицу все еще бегущую кровь.

Ася вспомнила о своей гуманной профессии.

– А ты сядь на скамейку и голову задери. А то ведь и в самом деле кровью истечешь.

– Вот, слышите! Еще и издевается! – парень аж зашелся от злости.

Сержант заботливо предложил:

– Тогда прошу к нам в участок. Там для таких как вы, и бинт есть, и йод. Будете как новенькие. Под утро. Следующее.

Парни принялись жалостливо канючить.

– Что вы, гражданин начальник! Нам нельзя, нас мамы дома ждут.

Ася решила не слушать этот кошачий концерт.

– Извините, если мне никакого обвинения не предъявляется, то я пойду.

Сержант приложил руку к козырьку.

– Какие обвинения! Ничего, кроме благодарности! Эти типчики нам хорошо знакомы. Так же, как и их мамочки.

Ася помахала всем рукой и отправилась дальше. За поворотом ее встретила та самая девчонка.

– Извини, что я сбежала. Я этих типов просто до ужаса боюсь. Они ко мне вечно пристают. Но я не просто так сбежала, я милиционеров на выручку позвала.

– А что ж ты заявление на них не напишешь?

– А что это даст? Ну, проведут с ними очередную «разъяснительную» беседу, и все. Они этих бесед сто раз на дню слышат. Спасибо за выручку, я домой. Пока!

Она убежала, а Ася пошла дальше. Около девяти часов зашла в свой подъезд и поморщилась. Все стены снова были исписаны разноцветным мелом, главным образом признаниями в любви. Причем непонятно было, кто, кому и зачем их писал.

Игнорируя зазывно распахнутые дверцы лифта, взбежала на седьмой этаж. Не успела достать из сумочки ключ, как дверь распахнулась.

Галя, жена Андрея, втянула ее внутрь и потребовала:

– Аська, говори давай, как дела! Я вся уже извелась!

Ася улыбнулась. Галя сидела дома с полуторогодовой Лизой и страдала от недостатка общения.

– Сейчас, только переоденусь.

Она отправилась в свою комнату, оставив Галю изнывать

от нетерпения на кухне. Переоделась в удобный домашний костюм, вымыла руки и присоединилась к невестке. На кухне, как всегда, был идеальный порядок, возле окна в манежике играла племянница в чистеньком костюмчике. Ася разочаровано вздохнула. Делать было совершенно нечего.

Галя нетерпеливо потребовала отчета о прожитом дне:

– Ну, что? Понравилось?

– Почти.

Галя насторожилась.

– А что не понравилось?

Ася замялась. Ей не хотелось говорить, но она всегда была прямым человеком и лукавить не умела. Со вздохом призналась:

– Мой врач влюблен во врача из другой бригады.

Галя не поняла.

– А тебе-то что за дело? Ну, влюблен и влюблен.

– Просто он мне тоже понравился.

Невестка замерла. Она никогда не слышала от золовки подобных признаний. Что не понравился – сколько хочешь, но чтоб понравился... Осторожно уточнила:

– Он холостой?

– Вроде да. Прямо я его об этом не спрашивала. Но он все равно что женат.

Галя строго сказала:

– Глупости! А эта врачиха как на него смотрит?

Ася призадумалась.

– Да вроде как на всех. По-доброму, но без особого интереса. Не то, что он на нее.

– Вот видишь! Сделай так, чтобы он обратил внимание на тебя. Заметил, что ты красивая и умная.

Ася грустно рассмеялась.

– Галя, ты о чем? Как это вообще возможно? К тому же я простая медсестра из маленькой деревеньки, а он очень хороший хирург из интеллигентной семьи. Не смеди меня!

Галя не нашла ничего лучшего, чем гордо провозгласить:

– У нас равноправие!

– Да, конечно. Гарантированное конституцией. Ты права.

– Когда ты прекратишь говорить свое дурацкое «да, конечно»?!

– Галя, ты постоянно учишь меня, как надо жить, но я же не говорю тебе, когда ты это прекратишь?

Галя принялась наливать зюлке чай, выставляя на стол собственноручно испеченные несколько сортов печенья.

Ася скорбно заметила:

– Знаешь, в чем наша с тобой проблема?

Галя недоуменно повернулась к ней.

– В чем это, скажи на милость?

– Мы с тобой слишком деятельные.

Галя села на стул и сочувственно спросила:

– Ты расстроена, тебе хочется снять напряжение усиленной физической деятельностью?

– Как ты меня понимаешь!

– Знаешь, мне сегодня было отчаянно скучно, и я устроила генеральную уборку. Так что ничем тебя порадовать не могу.

– Лучше бы ты в интернете зависала или в компьютерные игрушки играла.

– Вот уж скукотища! Потом чувствуешь себя как выжатый лимон, хотя совершенно ничего не делала. Нет, это не по мне.

– Вот я и говорю – мы с тобой слишком деятельные.

Галя немного помолчала, нахмутив лоб.

– А если пробежаться вокруг дома? Кругов пять-десять?

– Терпеть не могу бесполезные действия.

– Тогда протри стены в подъезде. Поможешь Алие. Она и без того устает.

– Конечно, устает. Она же в который раз беременна! Сколько у нее уже детей?

– Шесть или семь.

– И она еще десятерых нарожает. Через двадцать лет в этом доме будут жить только ее потомки.

– Если бы только в доме, а то во всей стране...

Ася решительно поднялась.

– Ладно, протру стены в подъезде. А то, чувствую, мне не уснуть.

Она захватила ведро и тряпку, натянула на руки резиновые перчатки, и вышла в коридор. Галя покачала головой и подхватила из манежа заплакавшую дочь. В кухню вышел

глава семейства. Андрей был изрядно сердит. Галя сочувственно спросила:

– Что, наши опять продули?

– Ага! Одно расстройство. Больше вообще не буду этот дурацкий футбол смотреть.

Поскольку он обещал совершить сей подвиг после каждого проигрыша, Галя никак это заявление не прокомментировала.

– Как там Аська? Нормально?

– Да не совсем.

Андрей встревожился. Он искренне любил младшую сестренку и беспокоился о ее благополучии. После ее увольнения из больницы он попытался провести с ней разъяснительную работу, но был вынужден признать, что и сам поступил бы точно также.

– Похоже, она влюбилась.

Андрей не понял.

– Как это?

– Обыкновенно.

– Она же маленькая совсем. Какая любовь?

Галя засмеялась.

– Окстись, Андрей! Ей же уже двадцать два! Она уже давно взрослая!

– Я не в том смысле, сколько ей лет, а о ее наивности! Она же весь мир делит только на белое и черное! Середины для нее нет!

Галя со вздохом согласилась.

– Это точно. И при малейшей несправедливости она в бой бросается.

– А это никто из мужиков терпеть не будет. Кому охота жить в состоянии непрекращающейся войны? Покоя хочется, знаешь ли. И мира в собственном доме.

– Ну, дома-то будет мир и уют.

– Это пока он не скажет что-то такое, от чего она примется его пилить. И запилит до смерти.

– Ты не прав. Она нормальный и очень домашний человек. Когда она тебя пилила, скажи на милость?

– Просто я старше и она меня уважает.

– Вот и муж ей нужен такой же. Чтоб она его уважала.

Андрей фыркнул.

– И где такого откопать? Среди моих знакомых таких уж точно нет. И я и ты пытались ее с нормальными мужиками знакомить, а что толку? Она со всеми запанибрата и считает их если не дураками, то около того.

– Но сейчас ей понравился врач. Говорит, что он замечательный хирург.

Андрей озадачился.

– Боюсь, это она зря. Мы ведь люди простые.

Галя сердито посмотрела на мужа.

– Самооценка у вас заниженная, только и всего! Уважать себя надо! Вы не простые люди, вы хорошие и достойные люди!

Андрей хотел возразить, но вернулась Ася.

Галя иронично заметила:

– Что, хорошо, но мало?

Ася кивнула.

Галя мило предложила:

– В доме восемь подъездов. Есть где развернуться.

Ася воспротивилась.

– Вот если бы мне за это платили, я бы и развернулась. А задарма не хочу.

– Тогда иди хоть фильм какой-нибудь посмотри, меркантильная ты наша.

– Да, конечно. Про любовь. Если найду. – Ася уныло покивала головой, давая понять, что замена крайне неравноценна.

Галя ее успокоила:

– Найдешь, со спутниковой-то тарелкой! Выберешь что-нибудь по душе из двухсот каналов с хвостиком.

Ася ушла, а Галя принялась кормить мужа ужином.

Плотно закусив, Андрей похлопал себя по животу и благодушно заметил:

– Так я до чертиков растолстею и ни на что не буду годен.

– Ерунда! Тебе же завтра во вторую смену, ты раньше двух спать не ляжешь, так что все переварится. – Галя ласково взъерошила редющую шевелюру мужа.

Андрей понятливо усмехнулся и подмигнул жене, намекая на ночное продолжение разговора.

Ася сидела в большой комнате, пялясь в огромный телевизор и притворяясь, что увлечена любовными перипетиями героев. Вместо экрана перед ее глазами, как живой, стоял Виталий. Он смотрел влюбленными глазами не на нее, а на Олю. А ей отчаянно хотелось, чтоб он хоть разочек посмотрел так на нее, Василису.

Вздыхнув, с досадой выключила телевизор, так и не поняв, что за фильм смотрела, и пошла спать.

Месяц прошел, как в тумане. Ася летела на работу как на крыльях, а возвращалась усталая и опустошенная. И дело было не в трудностях, поджидавших ее каждую смену, их-то она как раз не боялась, а в отношении к ней Виталия. Он ее попросту не видел. То есть он видел в ней компетентную коллегу, но не видел симпатичную девушку. Да и куда ей было тягаться с Олей!

Но как-то она заметила, что после работы Оля разговаривает с очень интересным незнакомцем. Правда, разговор был явно неприятным, и он смотрел на нее как-то странно – со страстью и презрением, но Оля после этого разговора просто искрилась. Ася решила, что от возмущения так не пылают, и решила при случае осторожно выведать, что случилось.

Улучив момент, когда они с Олей остались одни, между делом спросила:

– Оля, а кто такой интересный мужчина, с которым ты вчера говорила?

Ольга как-то уж слишком небрежно взмахнула рукой.

– А, это Глеб! – будто это односложное определение все объясняло.

Но Василиса не собиралась отступить.

– А кто он такой?

Оля сердито объяснила, будто этот самый Глеб стоял перед ней:

– Отвратительный тип! Считает, что он самый умный!

Это Василисе ничего не сказало, и она упрямо продолжила свои расспросы:

– А почему он самый умный?

Оля с упреком посмотрела на нее.

– Потому что он считает меня шлюшкой.

Ася поразилась.

– Как это?

– А он как-то встретил меня ночью на дороге и решил, что я клиентов поджидаю. С той поры так и считает.

– Но это же чушь!

– Конечно.

Ася подозрительно посмотрела на Ольгу. Лицо той неожиданно приняло горделивое выражение, и Ася догадалась.

– Ты наверняка его не разубедила!

Оля ехидно подтвердила:

– Ага. Не разубедила. Он не желает разубеждаться. Я попыталась это сделать, но он меня не слушает. Так что я бросила это гиблое дело. Пусть думает, что хочет.

Она как-то чересчур уж разгорячилась, глаза засверкали, руки сжались в кулаки, и Василиса поняла, что в этой истории все не так просто. Глеб Оле нравится, но упрямство пересиливает здравый смысл. Или обида? Интересно, как бы в подобной ситуации повела себя она, Ася? Ей казалось, что она бы все-таки заставила себя выслушать. Но Ольга, в отличие от нее, Василисы, человек мягкий и уступчивый.

Виталий же все больше и больше мрачнел и как-то заявил, что слишком устал работать на два фронта и ему пора увольняться.

Асе стало страшно. Пусть он и не обращает на нее внимания, но видеть его так отратно! Если он уволится, жизнь покажется вовсе унылой. Если только устроиться в его больницу? Но кто ее туда возьмет с подмоченной репутацией?

Наблюдая изо дня в день унылую физиономию золовки, Галя не выдержала и предложила ей идти ва-банк.

– Аська, не кисни, скоро в простоквашу превратишься! Позови Виталия куда-нибудь и намекни, что он тебе нравится.

Ася меланхолично пожала плечами.

– И что это даст?

– Многое. Или он наконец увидит в тебе женщину, или ты поймешь, что он не тот, кто тебе нужен. Как говорится, – не судьба.

Сначала Асе этот вариант не понравился, но, поняв, что Виталий и в самом деле может уволиться, она решилась.

Долго думала, как пригласить его на свидание. Говорить, глядя в глаза, бессмысленно, под его холодным взглядом она начнет заикаться и забудет все, что хотела сказать.

Писать, воображая себя Татьяной из «Евгения Онегина», старомодно, да и не по ней. В голову приходили разные варианты, один нелепее другого, и все они отвергались. Может быть, как-нибудь вскользь позвать его в кафе? Но он тут же откажется. Нет, это нужно сделать так, чтоб отказаться он не смог.

В результате записку написала Галина. На взгляд Аси, записка была на редкость идиотской, но, поскольку в ее собственную голову никакие умные мысли не приходили, пришлось удовлетвориться этим сомнительным вариантом. Ей оставалось только подsunуть записку в бумаги Виталию.

...И вот смена подходила к концу, а она так и не смогла сделать такой пустяк. И не потому, что возможности не было, наоборот, возможностей была уйма, просто руки у нее в благоприятные моменты коченели от страха. Ася не могла понять, что это с ней такое. Она всегда была решительной и настойчивой. И вот в такой ответственный момент выясняется, что она отчаянная трусиха!

Она еще раз развернула записку и прочла:

«Виталий! Мне очень нужно поговорить с тобой во внерабочее время. Очень прошу, приди в кафе «Дружба». Оно как раз рядом с хирургией. Я буду тебя ждать в среду во время обеда, с часу до трех. Надеюсь, ты сможешь подойти. Ася»

Записка жгла Асе руки, и она решила ее выбросить. Пусть будет все, как будет. Ни к чему навязываться мужчине. Да и не пара они.

Ее рассеянный взгляд упал на записную книжку Виталия, лежащую на столе. Он частенько записывал в нее интересные случаи из практики. Как во сне, подрагивающими руками открыла ее на первой странице и засунула записку. Покрыснев, будто совершила что-то крайне неприличное, положила книжку обратно на стол и села на диван, нервно барабаня пальцами по обивке.

Но через минуту передумала и вскочила, чтобы забрать записку. И тут, заставив ее обреченно замереть, в комнату вошли Виталий с Пал Палычем.

Пал Палыч был изрядно озабочен.

– Виталий, я понимаю, ты устал, но, может быть, продержишься месяц?

– А что даст месяц?

Пал Палыч развел руками.

– А кто его знает? Вдруг повезет? Повезло же с Василисой.

Виталий усмехнулся.

– То есть ты хочешь сказать, что еще кто-нибудь с кем-нибудь поссорится, и ты примешь его под крылышко?

Пал Палыч оптимистично подтвердил:

– Ну да. Надо же в жизни на что-то надеяться.

Виталий туманно посмотрел в окно.

– Ладно. Останусь. Как ты сказал – надо же в жизни на

что-то надеяться.

От безнадежности, явственно слышимой в его голосе, Ася захотелось плакать. Она посмотрела на записную книжку, не достать. Виталий сел рядом со столом, заметил книжку и молча сунул в карман. У Аси оборвалось сердце. Ну зачем, зачем она это затеяла? Позору ей только не хватало. Ведь ясно, что Виталий никогда на ее чувство не ответит.

Ну да ладно, что сделано, то сделано. Она вдруг почувствовала себя пьяной. На улице жара, голову ей напекло, что ли? Но на солнце она сегодня не бывала. Решив, что это от волнения, постаралась взять себя в руки.

Подъехали другие бригады, и Ася вышла из комнаты, решив подождать в тенечке на улице. Возле станции росли огромные старые липы, под ними стояли не менее старые скамейки. Ася села на одну из них, предварительно отметив, что неплохо было бы скамейки покрасить.

В кроне дерева щебетали какие-то пташки, вокруг было так тихо и умиротворенно, что Ася с внезапным спокойствием подумала: пусть будет, как будет. В самом деле, Галка права, надо поставить все точки над *i*. Надеяться ей не на что, но ее глупое сердце этого не понимает. Вот пусть и получит наглядный урок. Сообразив, что думает о себе как о совершенно незнакомом и даже неприятном ей человеке, ухмыльнулась. Похоже, так и начинается паранойя. Пора к психиатру.

До конца смены они съездили еще на два вызова, и Ася тряслась, боясь, что Виталий вздумает открыть записную

книжку и прочитает ее записку. Представив его недоумение, Ася покрывалась мурашками от волнения. Сейчас, в спешке, ей ничего объяснять не хотелось. Уж лучше в кафе, в непринужденной обстановке прозрачно намекнуть ему на свою любовь.

На ее удачу, смена закончилась, и они разошлись. Ася шла домой, не замечая окружающего. Ее волновало лишь одно – придет ли Виталий на свидание? То ей хотелось, чтобы пришел, то хотелось, чтоб он никогда не нашел ее дурацкую записку.

Глава третья

Выходной у Василисы прошел в походах по салонам красоты, поскольку Галина считала, что красота, пусть и искусственная, придает девушке уверенность в себе. Но Ася, глядя на красиво причесанную и ухоженную девицу в зеркале, никакой уверенности не ощущала.

Да уж, ее хоть в золото одень, она все равно останется все той же Василисой из глухой деревеньки. Внутри все мелко дрожало, и даже зубы выбивали противную дробь. Она приказывала себе не мандражить, но организм существовал сам по себе и приказов разума не слышал.

Под чутким руководством невестки надела свое самое красивое платье из легкого веселенького крепдешина, как раз по погоде. И белые босоножки с небольшим каблучком.

Галина признала, что она чудо как хороша. И если Виталий этого не оценит, то он круглый дурак и ее недостоин. В ответ на эти благодные утешения Ася только вздыхала, кривовато улыбаясь.

Наступило время выходить. Под напутственные пожелания Галины Ася вышла на улицу и побрела к кафе, стараясь идти как можно медленнее. Вспомнив уроки медитации, глубоко дышала и слушала свое дыхание, но все равно с каждым шагом сердце билось все сильнее, и на лбу выступила холодная испарина.

В кафе она пришла на полчаса раньше условленного времени и шлепнулась на стол под самым кондиционером, дующим ледяной струей, но этого не заметила. Жутко хотелось пить. Казалось, еще немного, и она от жажды растечется по полу маленькой мутной лужицей.

Призывно помахала официанту. Парень южной наружности подошел неохотно, правильно полагая, что никакого навару ему здесь не светит.

– Холодная газировка есть?

– Нет.

– Квас?

– Нет.

– Чай холодный?

Он посмотрел на нее, как на ненормальную.

– Нет. Чай только горячий.

– А что есть холодного?

– Пиво.

Ася не любила пиво, но выбора не было. Или иссохнуть от неистовой жажды, вызванной волнением, или выпить пиво.

– Мне самое слабое. Кружку.

Она потянулась за кошельком. Услышав ответ, поразились. Никогда не думала, что столько может стоить обыкновенное пиво. С сожалением отдала сотню. Официант принес маленькую кружку пива и соленые кириешки. Ася одним махом выпила пиво и машинально схрумкала кириешки. Жажда от такого подношения стала только сильнее. Пришлось

повторить. Вторую кружку она пила уже медленно, отодвинув пакетик кириешек. Но лучше не стало.

Ася пожалела, что выбрала такую отвратительную забега-ловку. Хотя откуда ей было знать, что она отвратительная? Она ни в одной из них ни разу не была, и выбрала эту только потому, что Виталию от больницы до нее пара минут.

Ей казалось, она сидит тут несколько лет, когда наконец открылась дверь и появился смурной Виталий. Оглядев-шись, прошел к ней.

– Привет! Просто чудом час назад увидел твою записку. А то сидела бы тут почем зря. Ну, зачем звала?

Ася вздохнула. Она была вовсе не прочь просидеть тут хоть весь день, лишь бы не объясняться под его мрачным взглядом. Как обычные человеческие глаза могут быть такими холодными?

Похоже, он ее предупреждал, чтоб не молоча чего не надо. Но Ася уже не могла перестроиться. Она столько раз проговаривала про себя заготовленную заранее речь, что сейчас язык сам по себе принялся лепетать какую-то ересь.

– Привет! Я все хочу спросить у тебя – нравлюсь ли я тебе хоть чуть-чуть?

Виталий еще больше построжел, и ответил с льдинками в голосе:

– Конечно, ты мне нравишься. Ты прекрасный специалист и ответственный человек. Это редкое сочетание.

Ася упорно лезла напролом, видимо, решив наказать соб-

ственное сердце по полной программе.

– Это я знаю. А как женщина я тебе нравлюсь?

Виталий неодобрительно поднял брови.

– Извини, но я никогда не думал о тебе как о женщине.

– А подумать не хочешь?

Виталий потерял терпение.

– Ты мне что, в любви признаешься?

Немного оторопев от такой прямоты, Ася с сомнением ответила:

– Ну да. А что, это неправильно?

Виталий едко заметил:

– Однозначно. Извини, но я предпочитаю классическую схему взаимоотношения полов. Я понимаю, равноправие и все такое прочее, но я сам хочу признаваться любимой женщине в любви. И вряд ли когда-нибудь это будешь ты. Ну что, мы пришли к взаимопониманию?

Ася замедленно кивнула головой.

Виталий безжалостно продолжил:

– И мой тебе совет на будущее: если вздумаешь еще кому-нибудь признаваться в любви, то не пей перед этим пиво. От тебя разит, как из пивной бочки. И не зови в подобные забегаловки, в них только гастарбайтеры ходят.

Он встал и ушел, а Ася впервые посмотрела вокруг. В кафешке и в самом деле сидели выходцы из стран ближнего зарубежья, главным образом молодые парни. Все они многозначительно смотрели на нее и весело переговаривались.

Она как ошпаренная вылетела на улицу.

Куда идти? Домой просто ноги не шли. Галя, конечно, хороший человек, но сейчас Асе ни с кем говорить не хотелось.

К трамвайной остановке подошел симпатичный новенький трамвайчик, приглашающе распахнул двери. Ася заскочила в салон, села на последнее сиденье и поехала по городу, тупо глядя в окно. Колеса на стыках успокаивающе постукивали, вагон слегка покачивало, жара расслабляла, и Ася уже не понимала, дремлет она или бодрствует.

На конечной остановке кондукторша предложила оставшимся пассажирам покинуть вагон, и Ася послушно вышла. Возле остановки плотной стеной стоял заманчиво шумевший лес, и ей захотелось побродить по опушке. Спасительное оцепенение, охватившее ее в кафе, потихоньку проходило, и сердце сжимали острая печаль и досада.

Что, получила? Алкоголичка! – от этой мысли ей вдруг стало смешно, и она принялась хохотать во все горло. Через десять минут неумолчного хохота поняла, что у нее истерика, и постаралась прекратить смех. Но он упрямо прорывался сквозь сжатые зубы.

В борьбе с хохотом дошла до сплошного прозрачного забора из пестрого поликарбоната. За забором высились элитные, в несколько этажей, дачи с башенками и портиками. Участки были большими, с круглыми или квадратными деревянными беседками, просторными детскими площадками, гаражами, широкими подъездными дорогами.

Спохватившись, Ася пошла обратно. Внезапно от дачи, оставшейся позади, раздался громкий детский крик, полный боли. Следом за ним испуганный женский возглас и вопль «помогите»!

Ася рефлекторно повернулась и побежала. Крик повторился снова, с детской площадки около большой трехэтажной дачи. Она рванула на себя калитку, та неожиданно легко распахнулась. Ася заскочила внутрь и бросилась к площадке. Там на земле сидела и плакала от боли маленькая светловолосая девочка. Из ее подвернутой ноги лилась кровь. Рядом нелепо топталась женщина в шортах и широкополой шляпе.

Малышка побледнела, чувствовалось, еще немного, и она потеряет сознание. На ноге была обширная рана, и Ася испугалась. Кровь не просто бежала, она хлестала, и было件нятно, что задет сосуд. Ася присела рядом с девочкой и пережала бедро. Кровь побежала тише.

Ася подняла голову.

– У вас нет резинового жгута? Он должен быть во всех автомобильных аптечках. – Она говорила нарочито спокойным тоном, чтобы женщина не испугалась еще больше.

Та кивнула и неровными спотыкающимися прыжками побежала к дому. И тут Ася ее узнала. Это была та самая Сгущенка, из-за которой ее уволили с работы. Ася чертыхнулась. Вот уж с кем ей совершенно не хотелось встречаться. Хотя, похоже, Сгущенка ее не узнала. Понятно, она видела ее только в стандартном белом халате и с убранными под ша-

почку волосами.

Через пару минут Сгущенка вернулась не одна, а сыном. Тем самым мерзким сыночком, который и раздул весь конфликт.

«Интересно, а та красотка тоже здесь, или ее уже отправили восвояси?» – почему-то Асе в голову пришла эта саркастичная мысль.

Он нес в руках пластиковую коробку с надписью «аптечка». Посмотрел на девочку, увидел кровь, мгновенно побледнел и пошатнулся.

Ася сердито прикрикнула на него:

– Падать в обморок будете потом! А сейчас давайте мне жгут!

Он встряхнулся, оторвал глаза от раны и вытащил из аптечки жгут. Ася уверенными движениями перетянула бедро и скомандовала:

– Вы скорую вызвали?

Парочка вопросительно посмотрела друг на друга.

– Нет! – прозвучало в унисон.

– Ну так вызывайте! Срочно! Телефоны, я думаю, у вас есть.

Сыночек повернулся и побежал в дом. Вернулся почти сразу.

– Скорую вызвал. Сказали, подъедут минут через пятьдесят.

– Идите встречайте ее на краю поселка. На заборах ведь

не написано, к какой даче ехать.

Он молча умчался.

Остановив кровь, Ася принялась быстрыми профессиональными движениями ощупывать ногу.

– Перелом. Но вот какой, сказать не берусь. Но где это она так?

Ася осмотрелась. Никаких острых предметов не было видно.

Сгущенка всхлипнула.

– Она упала с качели. Не понимаю, как, качели-то совсем небольшие. О боже мой, что я скажу брату! Это его дочь, поздний обожаемый ребенок! Он меня просто убьет!

Ася догадалась, что речь идет о губернаторе. Утешать даму ей не хотелось, но она все-таки сказала:

– Это могло случиться везде. Судьба.

Вбежал сын и распахнул большие ворота. К даче подъехал белый фургон с надписью «медицина катастроф». Из него выскочило двое врачей в синей униформе. Они быстро осмотрели девочку и уложили ее внутри машины, оборудованной как хорошая амбулатория.

– Когда поставлен жгут? – врач обратился сразу к Асе, видимо, с первого взгляда признав в ней профессионала.

– В восемнадцать часов пятнадцать минут. К сожалению, не на чем было записать.

– Не надо, мы запомним. Хорошо сделанная работа!

Они захлопнули дверцу, оставшись внутри, и водитель

уже хотел трогать, когда Ася запрыгнула к нему в кабину.

– Подождите! – спохватившийся сын побежал рядом. – Как вас зовут?

Ася махнула рукой.

– Это неважно!

Машина рванула, и он остался позади, растерянно глядя вслед.

Водитель покосился на пассажирку одним глазом.

– Ты вся в крови, знаешь это?

Ася кивнула.

– Что делать? Не привыкать.

– А ты кто?

– Медсестра на скорой.

– Понятно. А район какой?

– Свердловский.

– У меня там друг водителем работает. Может, знаешь?

Саша.

Ася усмехнулась.

– Да уж, тесен мир! Он как раз в нашей бригаде. Хороший парень, отзывчивый.

Водитель уже с уважением посмотрел на нее.

– А ты случайно не Ася Иванова?

– Она самая. Тебе обо мне Саша говорил?

– И он тоже. Здорово ты с начальством областным общлась!

– А ты знаешь, кого мы сейчас возем?

– Нет. Мне же не докладывают.

– Дочку губернатора. А дача была его сестры.

Водитель присвистнул.

– А как же ты там оказалась?

– Да вот черт принес. Случайно шла мимо, и вот на тебе.

– Да это не черт принес, а уж скорее ангел. Если бы ты не оказалась поблизости, неизвестно, чем бы дело кончилось.

Похоже, эта парочка растерялась совершенно.

– Да, девочку жаль. Симпатичная такая. Поздний ребенок.

Водитель присвистнул.

– У нашего губернатора то ли третья, то ли четвертая жена по счету. Я про законных говорю. И каждая последующая моложе предыдущей. Он известный ценитель молодости и красоты. Все они старались ребенком обзавестись. Как гарантом благополучного будущего. Эта дочь, похоже, от последней жены.

– Ну, это как водится. Молодая жена – это престижно. Но, думаю, все эти жены знали, на что шли.

Машина подъехала к областной больнице. Водитель заметил:

– Раз такую принцессу привезли, наверняка оперировать Петров будет. Известная личность, хирург от бога. Хотя о чем это я? Ты же вместе с ним работаешь.

Ася с трудом заставила себя улыбнуться.

– Да, конечно. Но мне пора. Спасибо!

Водитель всполошился.

– Ты что? Куда? Ты на себя посмотри! Ты вся в крови! Тебя первый же патруль заберет!

Ася вздохнула. Вот еще одна проблема.

Водитель прагматично предложил:

– Ты давай в больницу, там позвонишь домой, что-нибудь принесут. Хотя бы я на твоём месте расходы с этих нуворишей требовал. Из-за них же ты такие убытки понесла.

Ася поблагодарила за помощь и вышла из машины. Корпус хирургического отделения стоял неподалеку от того самого кафе, где она потерпела сокрушительный афронт. В ее голове пронеслось – «круговорот воды в природе». А она-то думала, что ноги ее здесь больше никогда не будет!

Посмотрела на себя повнимательнее. Водитель прав. Стоит ей попасться на глаза милиции, и ее тут же задержат до выяснения личности. Платье не только перемазано кровью, оно еще и все в грязи, хотя откуда грязь, непонятно. Босоножки тоже пропитались кровью и покрылись отвратительными бурыми пятнами.

Делать было нечего, и Ася поплелась в приемный покой. Увидевшая ее приемная сестра тут же вскочила и бросилась к ней.

– Что с вами?

Ася успокоительно замахала руками.

– Со мной все в порядке. Просто я оказывала первую помощь малышке, что сейчас привезли, вот и перемазалась

вся.

Медсестра засуетилась вокруг нее.

– Боже мой, платье испорчено! И босоножки тоже.

Ася устало согласилась.

– Да, конечно! Но я к этому уже привыкла. Я, видите ли, тоже медсестра.

Медсестра предложила:

– Может быть, вам халат дать?

Ася отказалась.

– Спасибо, не надо. Я сейчас домой позвоню, мне что-нибудь привезут. Мне бы только посидеть где-нибудь в тихом уголке, чтоб людей не пугать.

Медсестра отвела ее в закуток за приемной. Там хранились сломанные табуреты, помятые боксы для стерилизации и другой столь же нужный в хозяйстве больницы хлам.

Ася присела на краешек табурета и вздохнула. Придется звонить Гале и просить о помощи. Только вот как та сможет ей помочь? Андрей сегодня работает во вторую смену, и племяншку оставить не с кем. Впрочем, всегда можно вызвать такси. Она достала из сумочки телефон, набрала номер золовки и услышала сакраментальное: в настоящий момент абонент недоступен, позвоните позднее.

Итак, Галя укладывает дочку спать. Она всегда в это время отключает телефон, чтоб случайный звонок малышку не разбудил. Замечательно! И сколько ей сидеть тут в этом непрезентабельном виде? Нет, придется принять предложе-

ние медсестры и взять халат. Вызвать такси не проблема. Конечно, таксист удивится, увидев ее в больничном халате, но особых вопросов не будет, она же выйдет из больницы.

Ася выглянула из своего закутка. В приемном покое никого не было. Что такое? Очередной аврал? Она заметила в углу чей-то белый халат и с облегчением натянула его на испачканное платье. Так-то лучше! По крайней мере, никто от нее в сторону шарахаться не будет.

К больнице подъехала какая-то машина, хлопнула дверца, и в приемный покой ввалились трое подвыпивших мужиков. Вернее, двое потрезвее держали третьего, у которого из рассеченной головы шла кровь.

– Сестра! Помогите. Он упал!

Ася вздохнула. Говорить, что она тут ни при чем, было глупо. Что за день у нее сегодня такой? Она кивнула на кушетку.

– Садитесь!

Вымыла руки, промыла рану и принялась за перевязку. На ее взгляд, ничего страшного не было, просто слегка поцарапана кожа, но мужик так стонал и охал, что казалось, вот-вот отдаст концы.

В приемную забежала медсестра. Одним взглядом окинув свое царство, тут же все поняла.

– Придется делать прививку от столбняка!

Мужик, которому Ася перебинтовала голову, испуганно переспросил:

– Прививку? А без нее нельзя?

Медсестра сердито отрезала:

– Нельзя! А то столбняк будет!

Мужик тут же проявил удивительную бодрость тела и духа. Вскочив, принялся пятиться в дверям, зачем-то кланяясь и тараторя:

– Нет, нет, не стоит беспокойства, спасибо, но мне уже совсем хорошо!

У дверей развернулся и шустро выбежал на улицу, оставив удивленных собутыльников.

– А я и не знал, что он такой трус!

Другой заступился за товарища:

– А ты что, прививки любишь?

Первый честно признался:

– Нет. Терпеть их не могу.

– Вот и он не может. Пошли скорее, пока не сбежал! Нам его жене с рук на руки сдать надо!

Они вышли, и медсестра насмешливо прокомментировала:

– Интересно, а жене такой муженек нужен, принимать его из рук в руки? – Повернувшись к Асе, спросила: – Дозвонилась?

– Нет. Невестка малышку спать укладывает. Телефон отключен.

– А ты такси вызови.

– Да я так и хотела. Только вот как с халатом быть? Когда

его вернуть надо?

Медсестра призадумалась.

– Лучше бы завтра. Но можно и послезавтра. Тебя как зовут-то?

– Ася. Завтра я на дежурстве. Но послезавтра смогу.

Медсестра согласно кивнула.

– А что с той девочкой, что привезли час назад?

– А, с дочкой губернатора?

– Ну да. А что, все уже знают, что это дочка губернатора?

– А он и сам тут. Приехал сразу, как ее привезли. Требовал, чтоб оперировал лучший хирург.

– Петров?

– Ну да. А ты его знаешь?

– Слышала.

– Да, известная личность. Непонятно только, чего ради он на скорой подрабатывает. Ему наш главный высшую категорию сделал, и оклад самый высокий дал. Выше только у него самого. Сейчас вот у губернатора для Петрова именной надбавки добивается. Думаю, после этой операции получит.

Ася знала, чего ради Виталий подрабатывал на скорой, вернее, ради кого. Она понурилась. Какой сегодня несуразный день!

Привезли новых пациентов, и медсестра занялась привычными делами. Ася позвонила в службу такси, машину обещали прислать через полчаса.

Чтобы не бездельничать, принялась помогать медсестре.

Отправив больных по палатам, та похвалила невольную помощницу:

– Слушай, ты просто уникам! Так быстро обрабатывать больных я не умею. Ты по специальности кто?

Ася ответила уклончиво:

– Я на скорой работаю. Во всяких переделках бывать доводилось.

– У нас тоже отделение экстренной хирургии, тоже всяких привозят. Но у меня такой скорости и точности руки нет. Хотя опыта гораздо больше, просто потому, что я старше.

Ася усмехнулась.

– Опыта-то у меня больше. У меня четверо старших братьев. Так что реакция у меня отменная. Они меня воспитывали как спецназовца. У них игра была такая – не успел вовремя отпрыгнуть, получил крапивой по ногам. Так что реакция и сообразительность у меня с детства.

– Ничего себе! А я старшая, у меня еще младшая сестра есть. Взрослая уже, конечно. А сколько у вас детей вообще?

– Я последняя. Мама рожала до девочки. Уж очень ей хотелось косички плести и бантики завязывать. Но не получилось.

– Почему?

– Я терпеть не могла косички и бантики. Я хотела быть такой же, как братья. И росла сорвиголовой. В детстве было непонятно, парень я или девчонка.

В приемную зашло несколько врачей, среди них и Вита-

лий. Заметив Василису, он сердито нахмурил брови. Взмахом руки отозвал ее в сторонку и язвительно выговорил:

– Знаешь, из того, что ты будешь встречаться мне по несколько раз на дню, ничего не изменится. Ты мне не нравишься, и запомни это! И вообще, у девушки должна быть гордость! Нечего на шею мужчинам вешаться!

Ася стояла и смотрела на него, не в силах возразить. Она чувствовала себя кроликом, загипнотизированным удавом. Было ужасно больно и стыдно.

Медсестра заметила подошедшее такси и воскликнула:

– Ася, такси подошло! Беги, и не забудь халат вернуть!

Ася на ходу поблагодарила медсестру и побежала к такси.

Виталий с недоумением посмотрел ей вслед.

Один из врачей поинтересовался:

– Это кто?

Медсестра ответила с завистливым вздохом:

– Ася. Она на скорой работает, медсестрой. Профессионал высшей пробы.

– А что она тут у нас делала?

– А она первую помощь дочке губернатора оказывала, вся в крови перепачкалась. Пришлось ей халат дать, чтоб она до дому добралась.

Виталий озадаченно насупился. Выходит, он обвинил Асю зря? Неприятно. Ну что ж, завтра они увидятся, и он извинится. Хотя работать с ней в одной бригаде будет сложновато. Терпеть рядом влюбленную в тебя девушку испытание

не для слабонервных.

Но работать с ней ему не пришлось. Когда на следующий день он пришел на смену, изрядно смущенный Пал Палыч объявил ему, что Василиса Иванова будет работать в другой бригаде и другой смене.

– Поскольку Валентина уходит в отпуск, то Асе придется помогать Ольге Васильевой. А ты и один справишься, тебе не привыкать. Вот выйдет Валентина, и посмотрим.

– А почему в другой смене?

– Нам дали еще одну машину, и график поменялся.

– Что, теперь я с ними вообще встречаться не буду?

– Ну почему же? На пересменках, на общих мероприятиях. Да и что ты так волнуешься? Ты же собрался проработать только месяц.

Пал Палыч с облегчением сбежал, а Виталий почувствовал острую досаду. Теперь он Олю даже увидеть не сможет. Исчез повод, из-за которого он околачивался здесь. Но слово есть слово, придется его выполнять. В конце концов, месяц это не год.

В последнее время Оля отдалилась от него, даже старалась поменьше разговаривать, видимо, встречалась с этим одиозным Глебом. Похоже, нужно уходить отсюда. Ему явно предпочли другого. Обидно, но ничего не поделаешь.

До него вдруг дошел комизм ситуации, и он тихонько рассмеялся. Вот ведь как шутит судьба! Теперь обе женщины, и любимая, и любящая, работают вместе. Интересно, будут

ли они хоть иногда говорить о нем? Вряд ли. У Оли другие интересы, а Ася достаточно гордая особа, чтобы никому не жаловаться.

Внезапно ему стало ее жаль. Напрасно он сорвался вчера и наговорил ей гадостей. С чего ему вздумалось, что она появилась в экстренной хирургии из-за него? Мания величия выиграла? Надо извиниться, только вот как? Когда они еще увидятся?

Задерживаться после работы на скорой, чтобы поговорить с Асей, он не мог, начиналась смена в больнице. Это было досадно, потому что растревоженная совесть требовала успокоения. Но он усмирил ее, заявив, что покается при первой же встрече.

А в это время Светлана Ивановна, прозванная Асей Сгущенкой, говорила со своим сыном, Борисом, тем самым, который пытался устроить разнос Асе в ее родной хирургии, и из-за которого ей пришлось уволиться.

– Боря, я не могу оставить эту девочку без благодарности. Если б не она, мы потеряли бы Леночку! Я как вспомню весь тот ужас, то просто не понимаю, как я его пережила. До сих пор сердце болит. Да и ты перенервничал жутко.

– Ты права, мы с тобой оказались в тот момент не на высоте. Я никогда не предполагал, что мне станет дурно при виде крови. Всегда считал себя хладнокровным и рассудительным. Получил жизненный урок, как говорится. Но как

нам найти эту девушку? Она же не сказала, кто она.

– Знаешь, у меня такое чувство, будто я ее знаю. Это иррационально, понимаю, но я ее где-то уже видела.

– Возможно. Она так быстро и профессионально все проделала, что, возможно, она врач.

– Для врача она слишком молода. В медакадемии учиться надо шесть лет. Может быть, медсестра?

– А какая разница?

– Никакой, ты прав. Ты заметил, как она испачкала свое красивое платье? И босоножки были все в крови.

– Нет, этого я как-то не заметил. Я больше о Лене думал. Если честно, на девушку я вовсе не смотрел.

Светлана Ивановна с легким ехидством заметила:

– Я этому только рада. Она слишком уж хорошенькая, как раз в твоем стиле, голубоглазая, волосы роскошные такие, бронзовые.

– Мама, сейчас все девицы голубоглазые с роскошными волосами, только ненатуральными. Как Вероника.

– Эта твоя Вероника просто крашенная дура, уж извини меня.

– Уже не моя.

– Единственный раз ты проявил здравый смысл. Ведь с первого раза было видно, что ее привлекают только твои возможности, а не ты сам. Зря ты перед ней красовался, петуха изображал. Как вспомню ту отвратительную сцену в больнице, когда ты из меня посмешище сделал, просто досада бе-

рет. А все перед Вероникой выпендривался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.